

Содержание

От автора	9
Первое осознанное воспоминание	13
ДЕТСТВО	15
Тряпичник	15
Соски	18
Милиционер	21
Мосгаз	23
Батала	25
Демонстрация	28
Сарай	32
По пиву	38
Английский язык	42
Дед	51
Бабка	52
Отец	54
Мама	57
Сестра	59
ШКОЛА	62
Будни	62
БЭН	73
Спортивные мучения	77
Музей В.И. Ленина	81
«Артек»	87
АЛЬМА-МАТЕР	92
Вместо конной авиации	92
Хотите на Марс?	95

Как стоит Советский Союз?	98
Форма номер 2	100
Культуру – в массы	102
Ключ на старт!	105
Метод последовательных приближений в действии	111
«И ка эн у»	116
Рыба гниет с головы	122
10 тысяч вольт	125
Любимое место – КОН	126
В «отряде космонавтов»	130
Строевая стойка	132
Роковой билет	134
БАЙКОНУР	137
Будни космодрома	137
Кадры решают все	146
Спорт	150
Стрельба	152
Инспекторская проверка	153
Победа над кораблем пустыни	156
Борьба с курением	160
Железный Феликс	166
МЕДЛЕННО РАКЕТЫ УПЛЫВАЮТ ВДАЛЬ...	171
Снова в школу	171
Первые шаги	175
Мой любимый Генерал	179
В гости к «пиджакам»	186
При нападении огонь не открывать!	193
Как я не стал большим поэтом	201
Маленькая победоносная война	209
Партия сказала «Надо!»	217
Изобретение	230
Оружие возмездия	237

Заслуженный деятель	245
Права	256
БЫЛИ И МЫ РЫСАКАМИ КОГДА-ТО	264
От «Друга» к «Спутнику»	266
Первый маршрут	267
«Педаль»	269
Правила велотуризма	272
Незабываемый Дагестан	273
Велорассказики	276
Народная мудрость о дорогах и путниках	283
Поем славу!	285
Автолавка	286
АЗБУКА	288
мыслей, событий и ситуаций, подслушанных, подсмотренных, прочувствованных и осознанных автором, которыми он хотел бы поделиться с читателем	

*Моим любимым –
родителям, сестре, сыну, жене*

От автора

Я знаю, что я есть. Это на английском называется first firsten experience, то есть впечатления от первого лица.

А мой сын — звукорежиссер. И как-то я услышал от него интересный киношный термин — режим «уходящая натура». Надо снимать зиму, а снег тает. Надо снимать солнечную осень, и светятся золотом бульвары Парижа, и вот уже актеры загримированы, и «хлопушка» уже сказала: «Крыши Парижа. Дубль 2», и вот-вот прозвучит: «Мотор!» — и тут облачко, и другое, и вот уже покапывает дождь. И каждый в киносъёмочной группе знает — уходящую природу не вернешь... Солнце снова выглянет из-за туч, но уже все будет иначе.

Все, кто достиг так называемого зрелого возраста, знают, что время с годами ускоряет свой бег. Мне все чаще вспоминается то, что прошло уже и чего не будет, — детство, курсантская юность, первая серьезная ответственная работа на космодроме Байконур, рождение сына и его диатез, научные радости и разочарования, туристические походы, зарубежные командировки и дачные страсти... Все это составляет человеческую жизнь. Но мудро сказал Экклезиаст: «...Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...» Как же так? Неужели моя жизнь так и останется в прошлом? Пройдет, и ни у кого не останется памяти обо всем?

Вот бы сейчас обратно в те шестидесятые, где наш двор с дровяными сараями, и белье на натянутых между деревьями и подпертых палками веревках, и мы играем в ныне забытую игру «штандер» и кидаем ножички в землю, и старая пяти-

десятитрехлетняя тетка Марфуша орет: «Фулиганье!» Но... уходящая натура.

Сейчас бы в пятый-шестой класс средней общеобразовательной школы, где я — лучший в классе по английскому и математике, и не боюсь диктанта на «жи» и «ши», и «Бородино» Лермонтова выучено наизусть, и запись в дневнике «Без сменной обуви в школу допускаться на будет»... Но — уходящая натура.

Вот бы снова послушать лекции по аэродинамике, с этими жуткими тройными интегралами по объему, без которых нельзя рассчитать траекторию полета стартующей в безоблачное небо баллистической ракеты, а потом пройтись в своей последней шеренге в нашем курсантском строю, стараясь изо всех сил не сбить шаг... Но вот через много лет мы встречаемся: тот уже прихрамывает, и моего друга, с кем пел песни, делил корочку хлеба, — уже нет... Уходящая натура.

Сейчас постоять бы опять в трехстах метрах около взлетающей ракеты-носителя, на дрожащей пыльной земле, с замиранием думая: «А вдруг взорвется?» — и через полминуты увидеть прямо над собой пылающие факелы двигателей, и облегченно вздохнуть, и оглохнуть от грохота, наполнившего спящую веками пустыню... Но вот-вот закончится срок аренды Россией Байконура, и никогда уже не прогуляться теплым вечерком около гостиницы космонавтов... Уходящая натура.

Сейчас бы утром за тот забор с колючей проволокой под током, в наш уютный трехэтажный секретный корпус, в нашу секретную комнату, где восемь офицеров учат летать новую стратегическую ракету, и я самый младший, и начальник отдела на моем отчете накладывает резолюцию: «Даже в туалете на Ярославском вокзале пишут понятнее!»... Но в моем любимом научном институте все еще пишут отчеты мои бывшие сослуживцы — уже все поголовно пенсионеры,

а умнейший начальник отдела, не выдержав перестройки, скоропостижно... Уходящая натура.

У меня есть еще много сил поработать на благо моей страны, которая сделала меня тем, кто я есть, где я живу, где похоронены мои родные. Меня распирают идеи про нечеткие траектории, про применение интернета вещей в оборонных задачах и даже в сельском хозяйстве для реализации технологий точного земледелия, но — новые офицеры определяют требования к системам искусственного интеллекта военных роботов, а на инновации в сельском хозяйстве, как всегда, у государства нет денег... Уходящая натура.

Сейчас бы снова побегать с моей собакой Барькой и маленьким сыном... по летнему лесу, после дождичка пахнущему сосной и приятной прелостью... Но Барька уже давно завершил свою собачью жизнь, а сын — опять на съемках, и ему некогда... Уходящая натура.

Я много раз ездил в долгие велосипедные походы. На спуске ветер свистит в ушах, слепни наматываются на спицы, и рис с тушенкой у костра... Но... велосипед стоит на даче, переднее колесо спустилось, наверное, прокол, и... все реже я достаю свой выдавший виды рюкзак и спальник... Уходящая натура.

Вот бы вернуть назад эту фразу, в запале брошенную тобой или брошенную тебе, чтобы раскрутить в самое начало весь этот комок мыслей, слов, поступков, приведших к тому, чего не хотел, не мог, не должен был делать... Чтобы начать все сначала, ведь столько раз ты хотел начать новую жизнь первого января... Но — уходящая натура.

Надо успеть записать все, что составляло мою жизнь! Завтра уже никто не будет про это знать, а сегодня еще свежо в памяти и первое воспоминание «Это же я!», и девочка Таня из детского сада, и мы с замиранием смотрим «Фантомаса»,

и первая двойка ни за что — с обидой до соплей, и первый выстрел очередью из Калашникова, и ракетный пуск на Байконуре, и счет 17:0 при защите кандидатской диссертации, и фраза члена совета: «Я буду голосовать против» — при защите докторской, и женщина, такая далекая и близкая, и вот уже первый выезд за границу, да еще и в Швейцарию, которая меня просто ошеломила, и ставший ненужным партбилет, и две гитары за стеной, на которых так и не научился играть, и боль в колене... Уходящая натура.

Но уходящая натура — это еще не конец съемок. Еще можно поиграть в шахматы со школьными друзьями, найти в Интернете фото своей первой любви — уже бабушки, обнимающей внучку, поболтать в скайпе с одноклассником по академии, выпить коньячку с сыном, посмотреть на даче вместе с любимой и любящей женой на закат солнца... Еще регулярно приходят электронные письма от друга — японского генерала, приглашения на научные конференции в разные страны мира. Есть аспиранты, которые делают программки по моим алгоритмам, в типографии печатается новая монография, а проколотую прошлой осенью камеру переднего колеса старенького спортивного велосипеда заменим... заклеим... накачаем.

Пусть только наступит утро... Сойдет снег... Пройдет дождь... Взойдет солнце... И Бог позволит увидеть все это!

Первое осознанное воспоминание

Я родился около четырех часов пополудни в родильном отделении поселка Костино, в ближнем Подмосковье, летом, через семь лет после окончания Второй мировой войны.

Интересно, что в мире сейчас живет около семи миллиардов людей и у каждого (у каждого!) есть первое осознанное воспоминание. Готов поспорить, но, как мне кажется, ни одно из них не похоже на другое. Таким образом, статистике как науке здесь нет места. Копаясь на чердаке своей памяти, я все стараюсь найти то самое-самое первое воспоминание... По моим ощущениям, это — уход в Пикчеру.

Самым страшным местом на Земле в возрасте примерно трех лет для меня была пещера. Пещера как некое место на краю Земли, где темно, сыро, страшно и водятся самые злобные существа... Теперь уже не понимаю, откуда эта жуть возникла в моем маленьком мозгу, так как пожаловаться на близких не могу — меня любили, кормили, со мной гуляли, не шлепали, мне, наверное, читали добрые сказки, — всего этого я не помню. Но понятия «темно», «страшно», «сыро», оказывается, уже сформировались в моей головке... Как? Сможет ли кто на это ответить?

И вот однажды я крепко обиделся на родителей. Вспомнить бы, что явилось причиной... Не дали конфету? Не купили игрушку? Запретили бросать мяч? Поводов могло быть много... Увы! Но кому не знакомо это чувство детской обиды? Ну и пусть мне будет плохо, но будет плохо и им! Я умру, и все поймут, как они были не правы, все будут плакать, что давали мне рыбий жир, заставляли спать днем, надели на меня девчачью шапку... Да, меня больше не будет, но они

горько пожалеют о том, что не любили меня... не ценили меня...

Я перестал плакать, растер по щекам слезы и жестко объявил, что ухожу от них... в Пикчеру. Навсегда!

Мама — как обычно, на кухне, всегда в переднике, ладони в муке — всплеснула руками, да так и осталась стоять немым столбиком. Сестра вскочила из-за стола, за которым делала уроки, узнать, чем дело кончится. А папа открыл огромную для меня входную дверь — гарант безопасности! — и сказал: «Ну, иди...»

Мы жили в трехэтажном кирпичном доме на втором этаже. Лестницы были широкие, до перил я еще не доставал. Я решительно вышел и отправился в Пикчеру. Удивительно — я, не зная куда идти, был полон решимости довести дело до конца, и никакие сомнения меня не терзали. Я вполне осознанно, смело и решительно шел на верную гибель...

Как рассказывали мне потом родители, я спустился на один пролет лестницы... остановился и... заревел...

Потом, вот это помню, была постель, теплое молоко, нежные мамины руки, хитрое лицо сестры и улыбающиеся глаза отца.

Будучи уже взрослым, мотаясь по нашей стране в туристических маршрутах и походах, посещая экскурсии в разных странах мира, я неизменно стремился побывать во всех встреченных пещерах. Наверное, неосознанно я стремился найти ту самую, куда отправился в трехлетнем возрасте и куда так и не добрался. Но встреченные «пикчеры» меня разочаровывали — в них хоть было сыровато, но достаточно светло и не страшно...

«Пикчера» в моей памяти — самое первое жизненное впечатление!

А дальше началось детство.

ДЕТСТВО

Тряпичник

По дворам в те далекие времена ездил, грустно кивая мордой, старенькая лошадка, управляемая старьевщиком — оборотистым мужичком в неизменном треухе. Мама звала его «тряпичник». В повозке тряпичника лежал ящик, в котором были огромные ценности. В отдельных коробочках лежали матерчатые шарики на резиночке, глиняные сви-

стульки, разные деревянные заколки, иголки, куклы для девочек, леденцы типа «петушок на палочке».

Еще там были пистолеты, в которые заряжались такие пистолетные ленты — длинные узенькие полосочки бумаги с выступающими бугорками. Можно было не покупать пистолет, а купить только ленту, и если ударить по бугорку молоточком, то раздавался громкий хлопок-выстрел.

Но самое-самое — там был «пугач» и так называемые пробки. Пугач представлял собой тяжелый оловянный пистолет. Пробка же была такой очень маленький бочоночек, содержимое которого здорово «грохало». Пробки располагались рядами на картонках по несколько десятков штук. Пробка запикивалась спереди, под ствол пугача, и при нажатии на спуск раздавался выстрел. Но какой!

За все это богатство надо было платить тряпьем. Тряпичник кричал «Тряпье берем!» всего пару раз, но этого было достаточно. Приезд тряпичника был счастьем для нас и головной болью родителей, так как мы выпрашивали у них разное тряпье, чтобы у тряпичника его обменять на ценности. Если учесть, что у моего отца в то время был один-единственный костюм, а у мамы — два ситцевых платья (повседневное и выходное), то становятся понятны возникающие и у нас, и у родителей проблемы. Шарик на резинке стоил рваную майку или треники, пистолетная лента в 60–80 сантиметров (они мерялись сантиметрами!) примерно столько же. Дороже шли куклы — за них надо было отдать одну-две кофты. Получить пугач можно было за пальто плюс старая шубейка да еще пару пиджаков в придачу. Но мы были готовы отдать за такой пугач последние штаны на ляпочках... Тряпичник брал и пустые водочные и лимонадные бутылки, но их всегда принимали и в магазинах «в обмен на товар», и они были в дефиците.

Приезд тряпичника был неожиданным, и надо было спешить. Он стоял в каждом дворе недолго, минут по десять, и медленно отправлялся дальше. Тряпки мы копили заранее, и обмен был быстрым. Для нас, конечно же, он всегда был неравноценным — принесешь охапку тряпок, а получишь... всего пять пробок. Ну можно поканючить и еще пару выпросить. И все! Однако, кроме этого, была и радость общения с лошадкой. Ее можно было покормить сахаром и погладить...

И вот однажды мне упало сверху счастье. Умерла столь нелюбимая мною бабка, и после нее осталось все мне крайне нужное — рваное одеяло, короткое пальто и еще что-то. И... старьевщик достал из своего ящичка вожаденный пугач. Надо отдать должное тряпичнику — он сделал пробный выстрел, который был просто замечательный! Меня плотно окружили ребята с нашего двора — Перегудка, Заяц, Хромой и другие. Я был богат, как никто. Уже развеялся забывае-

мый запах лошадиного пота, телега тряпичника исчезла из вида, а я все ходил по двору, прицеливаясь в потенциальных «фашистов», и за мной ходила цепочкой вся дворовая ватага... Наконец я вставил пробку и медленно нажал на спуск...

Раздался выстрел... и мой пугач прямо в руках развалился на отдельные части...

И я узнал, что такое горе.

Соски

В каждом дворе в те далекие пятидесятые прошлого века была водяная колонка. Несмотря на то что в домах был водопровод, колонка как-то сохранилась, наверное, еще с довоенных времен, когда здесь были частные дома. То, что мальчика тянет к воде, знает каждый. Поэтому мы частенько задействовали колонку — то руки сполоснешь, то водички попьешь — это было запросто.

Дом наш стоял на краю огромного картофельного поля. И первым зданием, которое построили на этом поле, была аптека. Естественно, уже на второй день после ее открытия наша мальчишеская делегация посетила этот храм стекла и чистоты. Меньше всего нас интересовали зубные порошки, которые тогда продавались в круглых бумажных коробочках, разные там болеутоляющие анальгины и слабительные пургены. Про последний, кстати, говорили: «Есть универсальные лекарственные средства: от головной боли — пирамидон, от всех остальных недугов — пурген. Как показывает опыт, после принятия пургена больной всегда чувствует облегчение».

Наше внимание привлекли... детские соски по совершенно доступной цене — три копейки пара. Уже не помню, кто предложил замечательную идею их использовать не по на-

значению. Итак, берется соска. В ней делается небольшая дырочка. Соска надевается на кран колонки и наполняется водой. При этом дырка закрывается пальчиком. Когда соска прилично раздувается, путем вращения делается четыре-пять оборотов, место закрутки зажимается другим пальчиком и... готова классная обливалка!!!

Испытание идеи было проведено через десять минут после ее обсуждения. Немедленно удалось установить, что в зависимости от размера дырки получается струя разной толщины, а скорость струи определяется силой нажатия на раздуваемую соску и размерами последней.

Через пару дней мы с визгом носились по двору, подкарауливая друг друга и обливая водой. Колонка стала источником огромных удовольствий. Заправка водой производилась довольно часто, и колонка не простаивала. В стремлении увеличить дальность действия струи соски растягивались до совершенно невероятных размеров, вбирая в себя до полутора литров вожделенной жидкости. Были случаи, когда соска взрывалась в руках шестилетнего «солдата», обливая его с головы до ног. Мы бежали мокрые и счастливые, совершенно не думая о том, что можно схватить воспаление легких, получая сильнейшие нагоняи от родителей.

Продолжалась водяная вакханалия почти все лето, пока случайно в процессе боевых действий не была капитально облита самая вредная старуха, жившая на первом этаже нашего дома, — Марфуша. Она постоянно сидела на лавочке и однажды, так сказать, «попала под раздачу». Мы попрятались по кустам, а Марфуша... сначала прошлась по нашим родителям, а потом... при всех забила выходное отверстие колонки деревяшкой. Деревяшка была подогнана плохо, вода сочилась, но уже очень-очень медленно. А Марфуша отлавливала желающих наполнить соски и больно стегала крапивой.

Еще месяц мы наполняли соски дома, но драйв уже был не тот, к тому же дома гоняли родители. Постепенно обливалки сошли на нет, и мы занялись другими играми.

Мы были не злопамятны, но у нас была хорошая память. Расплата готовилась долго и тщательно и в конце концов состоялась.

К Марфуше на обед приезжал на грузовике ГАЗ-51 какой-то мужик. Может, это был ее сын или племянник? Мужик был сам по себе незлобный, даже иногда, несмотря на опасность, катал нас, стоящих в открытом кузове, метров двести по двору. Но его любила Марфуша, и этого оказалось достаточно для мести. Дождавшись очередного обеда, мы, по полным правилам проведения военных операций (один около дверей дома, двое вокруг машины «на атаке» и двое непосредственных исполнителей операции, в том числе и я), плотно забили тряпками выхлопную трубу глушителя грузо-

вика и попрятались по кустам, в изобилии растущим в нашем дворе.

Марфуша, как всегда, вышла провожать мужика. Он включал зажигание, но машина неизменно глохла. Он крутил спереди ручкой, открыл капот и покопался в моторе — все было бесполезно — машина не заводилась. После нескольких таких попыток разъяренный шофер как-то сильно газанул — и, выбросив огромный шлейф чернейшего дыма, тряпки выскочили из трубы и пролетели мимо Марфуши на небольшом расстоянии!

Мы были отомщены! Причем тем же методом, что применила к нам Марфуша. Она, конечно же, догадалась, чьих рук это дело, но мы были связаны круговой порукой и не раскололись.

Милиционер

В нашем доме на первом этаже жил молодой — лет двадцати пяти — милиционер с женой. Звание у него было небольшое — что-то вроде младшего сержанта. Жена часто и принародно пилила милиционера за отсутствие денег, бабки на лавочке во дворе активно обсуждали неспособного содержать семью мужчину. Иногда милиционер в свой выходной день брал полосатую милицейскую палку и уходил к дороге. Возвращался он всегда веселый и с бутылочкой пивка. После этого в доме наступал мир, и вечером из-за их дверей, которые никогда плотно не закрывались, доносились песни.

Однажды милиционер, непонятно почему, оставил свою полосатую палку на лавочке. Мы сгрудились вокруг вожделенного предмета, поиграли им, покрутили в руках, как умеют крутить палки милиционеры (опыт в отсутствие те-

левизоров приобретался в результате уличных наблюдений), и вдруг у меня родилась мысль: пойти на дорогу и попробовать поуправлять движением. Никаких знаков и действий милиционера я, конечно же, не знал, но мне казалось, что это несложно. Мужик сказал — мужик сделал. С приятелем мы вышли на край дороги и стали регулировать движение, махая палкой, как заправские милиционеры. Но музыка играла недолго, ровно до того мгновения, когда около нас остановился здоровенный грузовик, выскочил шофер и, не скрывая своих эмоций, погнался за нами с четкими намерениями надрать нам уши. Успев швырнуть палку в кусты, мы рванули по домам. До сих пор помню сильнейшее биение сердца и ужас, когда я, пытаясь скрыться в своей квартире на втором этаже, колотил руками и ногами в дверь, а по лестнице страшно матерясь, топал шофер, почти догнав меня...

Сестра была дома, впустила меня, и я, захлопнув дверь, в изнеможении повалился на пол, прохрипев: «За мной мужик

гонится!» К моему счастью, мужик, вбежав на этаж, не сумел понять, за какой дверью я скрылся. Он позвонил во все двери, но в нашем доме жили заводские работяги, все были на работе, и ему никто не открыл. Сестра же, испуганная не меньше меня, сидела со мной вместе под столом.

Так закончилась первая моя хулиганская выходка, навсегда поселив во мне страх к шоферам больших грузовиков. Эти чувства сохраняются свежими до сих пор, заставляя на дорогах всегда держаться подальше от крупных фур.

Мосгаз

В 1963–1964 годах по Москве и области прокатилось страшное слово «Мосгаз». Жуткие рассказы про убийцу, который ходит по квартирам, представляясь сотрудником Мосгаза, и убивает детей, если они открывают ему дверь, обрастали множеством различных подробностей. Народная молва передавала из уст в уста:

*Ищут дружинники, ищет милиция,
Ищут пожарники нашей столицы.
Ищут — пока не сумели найти
Парня какого-то лет тридцати.
Ходит он в кепке, а может быть, в шапке,
Носит с собой телевизор в охапке.
Любит кататься на самосвале —
Больше о нем ничего не слышали...*

У истинных работников Мосгаза возникли крупные проблемы — дверь им теперь не открывали, и они по несколько

раз в день оказывались в милиции для проверки документов. Если раньше мама меня спокойно оставляла дома делать уроки, то теперь постоянно около меня кто-то «дежурил» — мама или сестра. Как говорится, «на всякий случай». Невероятно, но случай вскоре представился.

Под нашим трехэтажным кирпичным домом, который, как говорили, строили пленные немцы, были подвалы. В подвалах у каждой семьи была такая деревянная выгородка размером буквально полтора на полтора метра с деревянной же дверью и навесным замочком. Там у нас хранилась картошка. В то время практически не было семьи, которая бы картошку не запасала на зиму.

И вот мама говорит, что идет за картошкой в подвал, и я, конечно же, увязываюсь за ней, ибо подвал был местом загадочным и интересным. Самое главное, что туда ходили с фонариком, и мне доверилось им светить, пока мама набирала картошку в сумку.

Мы спускаемся в подвал, в темноте я подсвечиваю фонариком, и мы проходим полтора десятка метров. И вдруг... впереди, в светлом проеме входа в подвал со стороны второго подъезда возникает крупная мужская фигура с топором. Мы просто оцепенели. Мама измененным от неожиданности голосом крикнула: «А ну уходите отсюда! Вы кто?»

И в ответ мужик страшным-страшным грубым громким голосом протянул, растягивая слово «Мо..с..г..а..а..з!».

Даже сейчас, когда эти строчки ложатся на бумагу и я знаю результат встречи с «Мосгазом», мне жутко. Тогда же я просто впал в полный ступор. А мама, заслонив меня телом и пятясь назад, страшно закричала: «Люди!» По-моему, заорал что-то и я...

— Ирина Кирилловна, да это я! Серебряков! Из тридцать второй квартиры! Я за картошкой. А вы чего, испугались?

И он громко захохотал...

Как вспоминала мама, я не спал несколько ночей, днем беспричинно плакал, получал в школе столь странные для меня — отличника — тройки. Потом все прошло. Время вылечило мой испуг, а ведь я мог бы и зайкой стать. Именно так ими и становятся.

Батала

Мне пять лет. На двор выходит самый страшный человек нашего дома — Батала, хулиган и бандюга. Он дембель... Ему 21 год, он вернулся из армии. Служил в стройбате. Он в форме, «парадка» подбита бархатом, знак стройбата (там был трактор нарисован!) в каких-то золотых лучах... Пилотка на затылке, на груди и руке небольшие, явно воров-